

Арабо-израильский конфликт и кризис западного посредничества: переосмысление сквозь призму ближневосточной ментальности

The Arab-Israeli Conflict and the Crisis of Western Mediation: Rethinking through the Lens of Middle Eastern Mentality

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-2-194-202

УДК: 316.75; 327(5-11)

Получено: 21.04.2025

Одобрено: 26.05.2025

Опубликовано: 25.06.2025

Бочаров Ю.Б.

Кандидат политических наук, политолог, Государство Израиль

e-mail: yurabig@gmail.com

Bocharov Y.B.

Candidate of Political Sciences, Political Scientist, State of Israel

e-mail: yurabig@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена политологическому анализу культурной обусловленности ближневосточных конфликтов, с акцентом на арабо-израильское противостояние и попытки его внешнего регулирования. Цель исследования заключается в выявлении причин несостоятельности западных универсалистских моделей, которые опираются на представления о рациональности, компромиссе и универсальных институтах демократии, но оказываются неэффективными в условиях специфической ментальности и системы власти, сложившихся на Ближнем Востоке. Объектом анализа выступают как исторические формы противостояния, так и современные процессы, прежде всего в секторе Газа, с особым вниманием к трансформации международного отношения к группировке ХАМАС и изменению позиций арабских государств. Методологическая основа исследования включает в себя сравнительно-политический подход, кейс-анализ конфликтных эпизодов, а также элементы дискурсивного анализа заявлений лидеров Ближнего Востока и официальных позиций западных акторов. Использование структурного подхода к легитимации власти, а также понятийной рамки «ментального несовпадения» позволяет переосмыслить причины провала посреднических миссий, ориентированных на экспорт западных норм без опоры на культурные контексты. Теоретическая значимость статьи заключается в разработке концепта «прагматичной автократии» как устойчивой и внутренне легитимной формы власти в условиях восточной политической культуры, сочетающей авторитаризм с элементами социального патернализма и религиозной легитимации. Практическая значимость исследования состоит в обосновании необходимости формирования адаптированных стратегий внешнеполитического взаимодействия с ближневосточными режимами, учитывающих особенности их восприятия силы, компромисса и насилия как нормальных политических инструментов. В работе показано, что западные рационалистические модели, ориентированные на либеральные универсалии, систематически терпят неудачу на Востоке из-за фундаментального несовпадения в понимании власти, идентичности и морали. Игнорирование этих факторов приводит к ослаблению влияния западных акторов и к усилению гибридных моделей управления. Делается вывод о необходимости перехода

от моралистически-нормативной парадигмы к реалистическому и контекстуальному подходу в дипломатии и миротворчестве на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: арабо-израильский конфликт, ментальность, Ближний Восток, ХАМАС, прагматичная автократия, дипломатия, западная модель.

Abstract

This article offers a political science analysis of the culturally conditioned nature of Middle Eastern conflicts, with a particular focus on the Arab-Israeli confrontation and the failure of external regulatory models. The purpose of the study is to identify the core reasons behind the ineffectiveness of Western universalist approaches, which rely on assumptions of rationality, compromise, and democratic institutions but fail to resonate within the specific mentality and power structures characteristic of the Middle East. The analysis spans both historical episodes and contemporary developments, especially in the Gaza Strip, with particular attention given to the shifting international stance toward Hamas and the visible distancing of Arab regimes from Palestinian radicalism. The methodological framework combines comparative political analysis, case studies of conflict dynamics, and discourse analysis of official statements made by regional leaders and Western actors. A structural approach to political legitimacy and the conceptual lens of “mental incompatibility” are employed to reassess the causes of repeated diplomatic failures that stem from attempts to impose external norms without cultural adaptation. The theoretical contribution of this article lies in the elaboration of “pragmatic autocracy” as a legitimate and stable form of governance in Eastern political cultures—one that blends authoritarian rule with elements of social paternalism and religious legitimacy. Its practical relevance is grounded in the need for more realistic, adaptive strategies in foreign policy engagement with the region—strategies that acknowledge local perceptions of power, legitimacy, and the political utility of violence. The article demonstrates that rationalist Western models, rooted in liberal universalism, repeatedly collapse in the Middle Eastern context due to a deep mismatch in the understanding of authority, identity, and morality. Ignoring these cultural-political dimensions has weakened the West’s regional influence and facilitated the consolidation of hybrid governance systems. The conclusion calls for a shift from a moralistic-normative paradigm toward a more realistic and context-sensitive approach to diplomacy and peacebuilding in the Middle East.

Keywords: Arab-Israeli conflict, political mentality, Middle East, Hamas, pragmatic autocracy, diplomacy, Western model.

Введение

Современный арабо-израильский конфликт — не просто спор о границах и территориях. Это цивилизационное противостояние между двумя глубинно различающимися системами ценностей и восприятием самого феномена войны, мира и государства. На Ближнем Востоке война — это не исключение, а часть политической нормы, в которой отсутствует чёткое разграничение между военным, гражданским и сакральным. Именно в этом кроется причина того, почему международное сообщество — в особенности структуры ООН и Европейского союза — десятилетиями демонстрируют неэффективность в разрешении конфликта. Их подход основан на ценностях универсализма, тогда как регион живёт в логике коллективной идентичности, религиозного призвания и этнокультурной мобилизации.

Военные конфликты Израиля с соседними странами — Египтом, Иорданией, Сирией, Ливаном — имели, как правило, классическую межгосударственную форму. Однако начиная с 1980-х годов характер противостояния стал асимметричным: основной угрозой стали не регулярные армии, а вооружённые группировки, действующие в парадигме террористического сопротивления — от структур ООП и ФАТХ до ХАМАС и «Исламского джихада», на территории Израиля, так и Хезбалла из Ливана, и «Ансар Аллах» хуситы из Йемена [2, с. 33]. Именно в этой трансформации кроется ключ к пониманию того, почему западная дипломатия потерпела фиаско. Методы ведения войны радикальных группировок основаны на использовании гражданского населения как живого щита, терроре, культе

шахидов и оправдании насилия как священного долга [7]. Такие действия десятилетиями рассматривались в ЕС как форма «национального сопротивления», в то время как ответ Израиля интерпретировался как «агрессия».

Исторически сложилось, что каждый жёсткий ответ Израиля на акты террора — взрывы в автобусах, атаки смертников на улицах Тель-Авива, обстрелы ракетами мирных городов — сопровождался международной критикой и обвинениями в «диспропорциональности». При этом игнорировался ключевой факт: против Израиля действуют силы, которые сознательно скрываются за спинами мирного населения, превращая гражданскую инфраструктуру в арену боевых действий. Как подчёркивает исследователь терроризма Брюс Хоффман, террористические организации систематически используют детей и невооружённых граждан в качестве щита, символа страдания и медийного оружия, стремясь «вызывать сочувствие, провоцировать реакцию и обвинять противника в нарушении гуманитарного права»¹.

Более того, антисемитская риторика в структурах ООН, в том числе в Совете по правам человека, нередко использовалась как инструмент давления, не имеющий отношения к реальному положению дел. Часто Израиль становился объектом осуждений не за конкретные действия, а в контексте совершенно иных международных процессов — будь то энергетические споры, голосования по Сирии или давление на США [1, с. 13]. Подобная политизация правозащитной повестки приводила к избирательному подходу, при котором даже самые откровенно террористические методы — захваты заложников, подрывы автобусов, расстрелы мирных граждан — интерпретировались как «допустимые средства борьбы». В то же время любое применение силы со стороны Израиля вызывало шквал критики.

Таким образом, контекст ближневосточного конфликта требует выхода за рамки привычной международной парадигмы. Здесь невозможно применять логику компромисса и гуманитарного права в чистом виде: противник использует правила как оружие, обвиняя в их нарушении того, кто пытается себя защитить.

Как отмечает исследователь Мухаммад Метвали аш-Шаарави, в арабской культуре война воспринимается как необходимое средство защиты веры и достоинства, где противник, считающийся врагом Аллаха, должен быть побеждён, а не убеждён².

Обзор научной литературы

Проблема соотношения западных универсалистских моделей демократии и ближневосточной политической культуры стала предметом многочисленных исследований как в рамках политологии, так и в смежных дисциплинах — антропологии, культурной социологии и конфликтологии. В научном поле можно выделить как минимум две конкурирующие концептуальные линии анализа.

С одной стороны, представителями либерально-универсалистского подхода выступают такие исследователи, как Фрэнсис Фукуяма и Бенджамин Барбер, которые трактуют демократию как универсальный и логичный итог политического развития. Фукуяма утверждает, что либеральная демократия обладает внутренней привлекательностью и, в долгосрочной перспективе, будет принята всеми регионами мира, включая Ближний Восток [5]. Барбер, в свою очередь, считает, что западные институты, при правильной адаптации, способны преодолеть культурные барьеры [3]. Приверженцы данной позиции интерпретируют конфликты на Востоке как «недоразвитость» институтов и культуру, находящуюся на ранней стадии модернизации. Противоположную позицию занимает школа культурного релятивизма, представителями которой являются, например, Самюэль Хантингтон и Грэм Фуллер. В «Столкновении цивилизаций» Хантингтон прямо указывает, что универсальные ценности невозможны, а попытки Запада внедрить свои институты приводят лишь к росту антизападных настроений [11]. Фуллер, бывший аналитик ЦРУ и исследователь ближневосточной политики,

¹ Hoffman, B. *Inside Terrorism*. 3rd ed. New York: Columbia University Press, 2017. Chapter 6: The Old Media, Terrorism, and Public Opinion. DOI: <https://doi.org/10.7312/hoff17476-008> (дата обращения: 16.04.2025).

² Мухаммад Метвали аш-Шаарави. *الجهاد في الإسلام* [«Аль-джихад фи аль-Ислам»]. - Каир: 1998. مكتبة التراث الإسلام [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noor-book.com/الجهاد-في-الإسلام-pdf> (дата обращения: 16.04.2025).

подчёркивает, что для исламских обществ понятие демократии всегда будет восприниматься через призму коллективной идентичности и религиозной легитимации [9].

Кроме того, в рамках современной политологии выделяются два теоретических направления, по-разному объясняющие провал демократического транзита в арабском мире:

1) **Школа транзитологии** (Томас Карозерс, Ларри Даймонд, Стивен Левицки), исходящая из представления о линейности перехода от авторитаризма к демократии. Эта теория подверглась критике за излишнюю универсализацию и игнорирование регионального контекста [8].

2) **Неоинституциональный подход** (С. Левицки, Л. Уэй), подчёркивающий устойчивость гибридных режимов, адаптирующих демократическую форму к авторитарному содержанию. В странах Ближнего Востока, по мнению этой школы, возникает особая форма «конкурентного авторитаризма», легитимированного и культурно встроенного [13].

Таким образом, в научной литературе присутствует принципиальное расхождение: одни исследователи видят в регионе пространство для «демократического реформирования», другие — культурно автономную политическую систему, не нуждающуюся в трансформации по западным лекалам. Настоящее исследование опирается на вторую линию и стремится уточнить её методологически, введя понятие прагматичной автократии как нормативной политической формы Востока.

Методы

Методологическая основа исследования включает сравнительно-политологический подход и дискурсивный анализ как основные методы. Их применение позволило выявить структурные особенности ближневосточной ментальности в противопоставлении западным представлениям о рациональности, компромиссе и легитимности. Сравнительный метод реализован через сопоставление:

- кейсов внешнего посредничества (Соглашения Осло, инициатива «Дорожной карты», Катарские переговоры с ХАМАС);
- политической динамики арабских государств (Египет, Иордания, ОАЭ) в отношении палестинского вопроса;
- международных реакций на действия Израиля и ХАМАС (позиции ЕС, США, Турции и Саудовской Аравии).

Процедура включала выделение переменных: тип легитимации власти, восприятие насилия, степень религиозной детерминации политических решений, реакция на западные инициативы. Сложности возникли при верификации достоверных высказываний лидеров ХАМАС и ограниченности данных по закулисным дипломатическим переговорам. В таких случаях применялись вторичные источники и экспертные интерпретации.

Дискурсивный анализ применялся при изучении: политических заявлений официальных лиц арабских и западных стран; документов, опубликованных ХАМАСом, в том числе хартий и манифестов; публичных комментариев по поводу войны в Газе в англоязычной и арабской прессе. Анализу подвергались речевые конструкции, подчёркивающие противоположное понимание компромисса, мира и победы. Таким образом, дискурс стал не просто средством коммуникации, но и объектом интерпретации политической культуры.

Результаты исследования

В результате проведённого анализа выявлены ключевые причины несостоятельности западных универсалистских моделей в контексте ближневосточных конфликтов:

- 1) **Культурное несовпадение:** Западные подходы, основанные на рационализме и компромиссе, не учитывают специфическую ментальность региона, где сила и авторитет играют первостепенную роль.
- 2) **Легитимация власти:** Восточные общества склонны к признанию автократических форм правления, основанных на традициях и религиозных нормах, что противоречит западным демократическим идеалам.

- 3) **Роль насилия:** Восприятие насилия как допустимого и даже необходимого инструмента в политической борьбе отличается от западных представлений о его недопустимости.

Таким образом, эффективное взаимодействие с ближневосточными странами требует разработки адаптированных стратегий, учитывающих культурные и политические особенности региона.

Политическая ментальность Ближнего Востока как фактор устойчивости конфликта

На Ближнем Востоке компромисс не рассматривается как форма добродетели. Здесь политическая культура определяется бинарным мышлением: «друг или враг», «священная война или поражение», «победитель получает всё». Как отмечает президент Египта Абдель-Фаттах ас-Сиси: «Если у кого-то есть свобода выражения своих мыслей, я полагаю, что эта свобода заканчивается там, где начинается оскорбление чувств более 1,5 миллиарда человек»³. Этот тезис отражает доминирующую установку большинства ближневосточных обществ: приоритет стабильности над переменами, общины над индивидом, иерархии над конкуренцией.

Исследования по политической культуре Ближнего Востока фиксируют доминирование патримониальных, персоналистских и сакральных моделей власти [10]. Эти модели, как правило, устойчивы к институциональному реформированию и внешнему давлению. Демократические институты, будучи импортированы «сверху», не укореняются, а лишь имитируются, как это было в Палестинской автономии после выборов 2006 года, приведших к власти ХАМАС — организацию, не признающую сам принцип коалиционного управления.

Террористическая идеология как форма ментального сопротивления

Организации, подобные ХАМАС, строят своё видение мира на религиозной эсхатологии, идее жертвы и праведной войны (джихада). Как подчёркивает один из лидеров движения, член Политбюро ХАМАС Халиль аль-Хайя: «Мы будем продолжать путь наших павших лидеров до тех пор, пока не достигнем победы или мученичества, если на то будет воля Аллаха»⁴. Эта логика восприятия смерти не как трагедии, а как формы миссии, встроена в идеологическую структуру ХАМАС и транслируется через образовательные программы, проповеди и культуру памяти. Подобная система координат несовместима с рационально-контрактной логикой Запада. Переговоры в понимании ХАМАС не являются инструментом мира, а формой временной передышки для наращивания сил.

Мифологизация конфликта, сакрализация земли и образа врага порождает постоянную готовность к насилию как способу политического выражения. В этом смысле культура терроризма становится не просто стратегией, а частью идентичности, транслируемой через школы, проповеди и ритуалы памяти. Как пишет историк О.В. Будницкий, террорист «живёт в сконструированной им реальности, в которой насилие — путь к спасению мира» [4].

Ошибка универсализма: непонимание Западом восточной ментальности

Ключевая ошибка западных государств — попытка применить к Ближнему Востоку ту же модель демократического строительства, что использовалась в Европе и Латинской Америке. Эта модель предполагает наличие рационального субъекта, стремящегося к балансу интересов, правовому регулированию и компромиссам. Однако в восточном контексте компромисс часто трактуется как проявление слабости, а переговоры — как форма давления на противника с целью его морального подчинения.

³ Абдель-Фаттах ас-Сиси. Выступление на праздновании дня рождения пророка Мухаммеда, 28 октября 2020 года. Источник: Reuters. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/world/egypt-says-freedom-of-expression-stops-when-muslims-offended-idUSKBN27D1HF> (дата обращения: 16.04.2025)

⁴ Халиль аль-Хайя. Интервью телеканалу Al-Jazeera, 15 января 2025 года. Источник: MEMRI. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.memri.org/tv/hamas-political-bureau-member-hayya-october-7-miraculous-achievement-salute-martyrs-liberate-palestine> (дата обращения: 16.04.2025).

Запад не учитывает сакральный характер конфликтов на Ближнем Востоке, где земля, религия и кровь связаны не юридически, а экзистенциально. В результате любые уступки воспринимаются не как доброжелательный жест, а как поражение. Отсюда и реакция на давление международных организаций: с одной стороны — нарастание требований со стороны ХАМАС, с другой — рост национальной мобилизации в Израиле.

Израиль, как государство, вынуждено действовать в условиях, где компромисс равен стратегическому поражению. Это объясняет жёсткость его политики, которая на Западе интерпретируется как «кроважность», но на Востоке — как единственно возможный язык силы и выживания. В заключении можно лишь снова вернуться к высказыванию президента Египта Абдель-Фаттах ас-Сиси подчеркивающего приоритет порядка и стабильности над свободой выражения.

Переосмысление западных стратегий через призму ближневосточной ментальности

Арабо-израильский конфликт наглядно демонстрирует ограниченность универсалистских подходов, основанных на предположении о всеобщей применимости западных моделей политического диалога и компромисса. Игнорирование ментальных, культурных и исторических особенностей Ближнего Востока приводит к устойчивой неэффективности международных посреднических усилий и, как следствие, к усилению асимметрии восприятия: террористические группировки получают дополнительное пространство для манёвра и давления, в то время как действия государств, вынужденных отвечать силой, подвергаются сомнению с точки зрения легитимности.

В отличие от западных держав, государства ближневосточного региона демонстрируют прагматичный и реалистичный подход, ориентированный на учёт местной политической культуры и социально-нормативной среды. Иллюстрацией служат события в секторе Газа, когда в марте 2025 после срыва договорённостей об освобождении заложников Израиль инициировал масштабную военную операцию против командных центров и инфраструктуры ХАМАС, фактически реализуя логику конфликта, в которой приоритетом остаётся демонстрация силы как базовый элемент политической коммуникации. При этом, несмотря на интенсивные авиаудары, практически полную блокаду сектора и резкое ограничение доступа гуманитарной помощи, реакция арабских и международных медиа оказалась минимальной: освещение событий стало эпизодическим и переместилось в разделы второстепенных новостей.

Причина такой информационной инертности кроется в нарастающем разочаровании ключевых ближневосточных столиц в политике ХАМАС. Движение, опирающееся на мифологизированную доктрину тотального сопротивления, последовательно отказывается от диалога не только с Израилем, но и с традиционными арабскими союзниками. В ответ Саудовская Аравия, Египет, Катар и ряд других акторов демонстрируют институциональное и риторическое дистанцирование от ХАМАС, воспринимая его как деструктивную силу, подрывающую региональную стабильность. В дипломатических и экспертных кругах арабского мира всё чаще транслируется неофициальная позиция: «пусть Израиль сам разберётся с теми, кого мы сами не можем убедить ни в чём».

Таким образом, наблюдаемое молчаливое согласие значительной части арабского мира не является выражением пассивности или утраты интереса, а представляет собой проявление специфической региональной рациональности. Когда даже ключевые арабские государства не способны переориентировать радикальное крыло палестинского движения на путь компромисса, право на принуждение к деэскалации фактически делегируется Израилю. При этом речь идёт не о физическом уничтожении политической структуры, а о стратегическом ослаблении её боевого потенциала с тем, чтобы создать условия для выдвижения умеренных представителей, способных участвовать в процессе урегулирования под международным наблюдением.

Следует понимать, что подобная модель поведения не является исключением, а отражает общую норму политического действия в регионе. Восточная ментальность исходит

из презумпции непримиримости врага и отсутствия моральной ценности компромисса в ситуации асимметричной силы. Политические режимы, столкнувшись с радикальными или оппозиционными силами, не склонны к затяжному диалогу. Напротив, стратегия заключается в силовом подавлении до тех пор, пока оппонент не признает слабость и не перейдет к переговорам в позиции подчиненного.

Так, в Сирии Асадовский режим с 2011 года применяет к протестным группам и повстанческим формированиям исключительно военную модель подавления, включая применение тяжелой артиллерии, авиации, осадных тактик и удушающих санкций против целых городов. В Йемене хуситы и правительственные силы ведут аналогичную войну на истощение, где любое временное перемирие трактуется сторонами как перегруппировка, а не путь к миру. В Иране протестные движения подавляются через сеть спецслужб, идеологическую мобилизацию и массовые аресты — логика власти сводится к демонстрации, что государство «не ведет диалог с врагом», а лишь с тем, кто уже признал свое поражение. Аналогичным образом действуют власти Иордании, Египта и Алжира, где любая попытка несистемного протеста трактуется как угроза стабильности, а не как политическая позиция.

В этом контексте модель Израиля — с ее акцентом на превентивную силу, одностороннее установление «красных линий» и отказ от уступок под давлением — не выглядит отклонением, а скорее продолжением региональной логики, где сила и однозначность сигналов воспринимаются как основа мира. Компромисс здесь наступает не в результате взаимных уступок, а после насильственного навязывания нового баланса, в котором ослабленная сторона соглашается на условия сильной — временно, до следующего цикла конфликта. И именно эта логика — жесткая, но привычная для региона — окончательно разрушает иллюзию универсальности западной модели.

На более глубоком уровне это свидетельствует о несоответствии западных политических категорий реалиям ближневосточного пространства. Демократия, как институциональная конструкция, не является универсальным и одинаково применимым механизмом. В условиях, где приоритетами остаются порядок, безопасность, лояльность и сохранение идентичности, внешние попытки навязать ценности, не укорененные в локальной культуре, неизбежно наталкиваются на сопротивление.

В регионе давно сложилась собственная модель управления — форма прагматичной автократии с элементами управляемой демократии, где власть функционирует в рамках иерархий лояльности и религиозно-культурной легитимации [6]. Однако Запад по-прежнему продолжает проектировать отношения с Ближним Востоком, исходя из представлений о либеральной демократии как универсальной норме, не осознавая, что одни и те же политические категории — такие как «выборы», «права», «гражданское общество» — воспринимаются сторонами по-разному.

Понимание политико-культурной ментальности Ближнего Востока и ее институциональных последствий — ключевое условие разработки устойчивых и реалистичных стратегий урегулирования. Без признания специфики локальных моделей власти и взаимодействия все посреднические усилия будут носить декларативный характер и воспроизводить стратегические ошибки прошлого [12].

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что устойчивость ближневосточных конфликтов во многом обусловлена не столько институциональными или геополитическими факторами, сколько глубинными особенностями политической ментальности региона. Идеи компромисса, диалога и демократической конкуренции, являющиеся краеугольными камнями западной политической культуры, не находят поддержки в восточном восприятии власти, где приоритет отдается устойчивости, иерархии, коллективной идентичности и праву на силу.

Полученные результаты позволяют утверждать, что:

- универсалистские подходы к демократизации Ближнего Востока неэффективны при отсутствии культурной адаптации;

- сакрализация политического насилия и ритуализация конфликта делают невозможным прямой перенос европейских моделей регулирования;
- жёсткая политика государств региона (в частности, Израиля) является не отклонением, а адаптацией к нормам локальной политической культуры;
- деэскалация конфликтов невозможна без признания региональных форм легитимности, включая прагматичную автократию как устойчивую управленческую практику.

Теоретическая значимость данной работы заключается в формулировке подхода к ближневосточным политическим режимам не через призму трансформации, а как к системам, обладающим собственной внутренней логикой, легитимацией и институциональной устойчивостью. Практическая значимость выражается в необходимости пересмотра дипломатических стратегий западных государств: реалистический подход с учётом ментальности может оказаться эффективнее, чем нормативный экспорт политических стандартов.

Работа также поднимает *дискуссионные вопросы*, связанные с:

- пределами допустимости насилия как элемента политической коммуникации;
- будущим политических исламистских движений в условиях нарастающего отчуждения со стороны арабских государств;
- возможностями трансформации ментальной карты региона под влиянием долгосрочной урбанизации, технологического перехода и смены поколений.

Дальнейшие направления научного поиска могут быть связаны:

- с эмпирическим сравнением политической ментальности в разных субрегионах Ближнего Востока (Левант, Персидский залив, Северная Африка);
- с изучением восприятия международных институтов (ООН, ЕС, МУС) в массовом сознании восточных обществ;
- с анализом переходных форм между авторитаризмом и гибридной легитимностью на примере Иордании, Египта, ОАЭ;
- с оценкой эффективности инструментов «политической гибкости» в условиях конфликта.

Таким образом, современная политическая наука должна признать необходимость пересмотра подходов к ближневосточным реалиям, исходя не из предпосылки их «отставания», а из понимания их оригинальности как полноценного культурно-политического кода.

Литература

1. Акопян А.Р., Акопян Е.А. Арабо-израильский военный конфликт и его влияние на обеспечение рациональных интересов и национальной безопасности РФ // Актуальные проблемы военно-научных исследований. - 2024 - № 1 (29). - С. 395-409.
2. Батиевская В.Б., Соколовский М.В. Арабо-израильский конфликт: причины, динамика и способы разрешения. Вестник обществ-ых и гуманитар-ых наук. - 2024, Т. 5, № 3, С. 30-35.
3. Барбер Б. Джихад против McWorld. - М.: Новое издательство, 2004. - 400 с.
4. Будницкий О.В. Терроризм в России: история и мифология. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 352 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. - М.: АСТ, 2004. - 592 с.
6. Ханафи Г. Восточная полит. культура. Центр стратегических исследований Аль-Ахрам. Эл.рес.URL-адрес. <https://acpss.ahram.org.eg/> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Bellin E. The Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Exceptionalism in Comparative Perspective // Comparative Politics. 2004. V. 36. № 2, pp. 139–157.
8. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. V. 13, No. 1. Available at: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-end-of-the-transition-paradigm/> (Accessed: 16.04.2025).
9. Fuller G. The Future of Political Islam. - New York: Palgrave Macmillan, 2003. - 336 p.

10. Hoffman B. Inside Terrorism. 3rd ed. New York: Columbia University Press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.7312/hoff17476-008> (Accessed: 16.04.2025).
11. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations> (Accessed: 16.04.2025).
12. Kuran T. Institutional Roots of Authoritarian Rule in the Middle East: Political Legacies of the Islamic Waqf // Law & Society Review. 2011. V. 46. № 2. P. 283–312.
13. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. - 384 p. Available at: <https://www.cambridge.org/core/books/competitive-authoritarianism/3A6A64CE> (Accessed: 16.04.2025).

References

1. Hakobyan A.R., Hakobyan E.A. Arabo-izrail'skij voennyj konflikt i ego vliyanie na obespechenie racional'nyh interesov i nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. [The Arab-Israeli military conflict and its impact on ensuring the rational interests and national security of the Russian Federation]. Aktual'nye problemy voenno-nauchnyh issledovanij [Actual problems of military scientific research]. 2024. I. 1 (29), pp. 395-409. (In Russian)
2. Batievskaya V.B., Sokolovsky M.V. Arabo-izrail'skij konflikt: prichiny, dinamika i sposoby razresheniya [The Arab-Israeli conflict: causes, dynamics and ways of resolution]. Vestnik obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk [Bulletin of Social and Humanitarian Sciences]. 2024. V. 5. I. 3, pp. 30-35. (In Russian).
3. Barber B. Dzhihad protiv McWorld [Jihad vs. McWorld]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 400 p. (In Russian).
4. Budnitskiy O.V. Terrorizm v Rossii: istoriya i mifologiya [Terrorism in Russia: History and Mythology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 352 p. (In Russian).
5. Fukuyama F. Konec istorii i posledniy chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2004. 592 p. (In Russian).
6. Hanafi G. Vostochnaya politicheskaya kultura [Eastern Political Culture]. Al-Ahram Center for Strategic Studies. Available at: <https://acpss.ahram.org.eg/> (Accessed: 16.04.2025). (In Russian).
7. Bellin E. The Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Exceptionalism in Comparative Perspective. Comparative Politics, 2004, V. 36, I. 2, pp. 139–157.
8. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. Journal of Democracy, 2002, V. 13, I. 1. Available at: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-end-of-the-transition-paradigm/> (Accessed: 16.04.2025).
9. Fuller G. The Future of Political Islam. New York, Palgrave Macmillan, 2003. 336 p.
10. Hoffman B. Inside Terrorism. 3rd ed. New York, Columbia University Press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.7312/hoff17476-008> (Accessed: 16.04.2025).
11. Huntington S. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs, 1993. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations> (Accessed: 16.04.2025).
12. Kuran T. Institutional Roots of Authoritarian Rule in the Middle East: Political Legacies of the Islamic Waqf. Law & Society Review, 2011, V. 46, I. 2, pp. 283–312.
13. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 384 p. Available at: <https://www.cambridge.org/core/books/competitive-authoritarianism/3A6A64CE> (Accessed: 16.04.2025).